

Наталья Казимировская

Путешествие по жизни (письма другу)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Наталья Казимировская

Путешествие по жизни. Письма другу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64354466

SelfPub; 2021

Аннотация

Автор книги – выпускница Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии (ныне – РГИСИ). Живёт в Стокгольме. Член Союза шведских писателей и шведских драматургов, автор переводов шведской литературы и драматургических произведений на русский язык. В её переводе была поставлена в нескольких российских театрах пьеса Ингмара Бергмана «После репетиции». Спектакль, главные роли в котором исполняли Сергей Юрский и Наталья Тенякова, долгие годы держался в репертуаре Московского Художественного театра. Параллельно с этой деятельностью Наталья Казимировская занимает серьёзное место среди шведских преподавателей фортепиано, является автором шведского учебника по фортепианной игре, награждена премией Королевской музыкальной академии Швеции за серьёзный вклад в шведскую музыкальную педагогику. О своей яркой и полной контрастов жизни, о «врастании» в шведскую среду Наталья

Казимировская написала в этой книге. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Иркутск 1952–1957	8
Махачкала 1957–1959	10
Красноярск 1959–1963	12
Бобрик Гора	20
Алма-Ата 1964–1970	22
Годы учёбы. Саратов 1966–1968	27
Витебск 1968 (июнь) – 1968 (декабрь)	32
Саратов 1968–1970	36
Витебск 1970–1971	45
Питер 1971–1974	53
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Наталья Казимировская

Путешествие по жизни. Письма другу

Автор благодарит своих родителей, Соломона и Сарру Казимировских, за то, что они воспитали и создали то, чем автор на сегодняшний день является.

Автор благодарит своего старинного друга Дмитрия Равинского за то, что тот согласился незримо присутствовать на всех страницах этой книги.

Автор благодарит Юрия Кружнова за неоценимую помощь на последних этапах создания книги.

А память слабеет

И помню всё меньше...

Если бы ты знал, мой будущий читатель, какие сомнения одолевают меня, когда я приступаю к своим воспоминаниям. Во-первых, для кого я пишу? Я не звезда театра или кино, не выдающийся учёный, политик или правозащитник. Легче представиться КТО я, чем перечислять, кто я «НЕ», я – театровед и журналист (не очень состоявшийся, но с определённым количеством написанных статей и несколькими удачными театральными проектами), вполне состоявшийся препода-

даватель фортепиано (не очень влюблённый в свою профессию, хотя и воспитавший некоторое количество весьма талантливых и серьёзных музыкантов), литературный переводчик (не профессиональный, но имеющий за душой три переведённые и изданные книги, три переведённые и сыгранные в театрах Москвы и Питера пьесы. Более того, из рук самого Бергмана получила я разрешение на постановку моего перевода «После репетиции» во МХАТе – об этом отдельный рассказ). Итак, для кого и кому это будет интересно? Детям? Будем надеяться... На внуку больших надежд не возлагаю... Она в свои пять лет трещит бойко по-шведски, даже читает, но опять же не по-русски, и хотя понимает меня хорошо, но общаться хочет только по-шведски. А уж читать... А дай-ка я представлю, что рассказываю о своей жизни моему старинному и близкому другу Диме Равинскому. Это не значит, что каждую секунду и в каждой главе собираюсь упоминать его имя, а просто хочу и буду всё время видеть перед собой его умные и понимающие глаза. Он, я надеюсь, простит мне недостатки стиля (я ведь не Сорокин и не Пелевин), некоторое хвастовство и эгоцентризм (которые точно будут иметь место) и провалы в памяти. В связи с этим, то есть с фактическими ошибками и субъективностью авторов мемуаров, хочу привести байку, рассказанную мне Львом Иосифовичем Гительманом, – любимым учителем и другом. В ответ на его критику явных неточностей в книге воспоминаний Александра Белинского «Записки старого

сплетника», автор возразил: «Это МОИ воспоминания, и я ТАК помню».

Я тоже помню именно ТАК, как буду рассказывать.

Иркутск 1952–1957

Детство у меня было счастливым. Оно началось в городе Иркутске. Я знала, что родилась в Москве, но четырёхмесячную меня перевезли в Сибирь (причины нашего переезда в 1952 году, брошенная московская квартира, сорванный с учёбы брат-десятиклассник меня в те годы не занимали). Папа работал главным режиссером Иркутского драмтеатра, нас окружали артисты – весёлые, озорные, своеобразные. Мы жили в театральном общежитии, называемом Коммерческим Подворьем. У нас была, как мне казалось, огромная трёхкомнатная квартира с большим угловым балконом. В одной комнате жил старший брат (по семейному преданию, когда он приводил к себе девушку, ставшую впоследствии его женой, я рвалась к нему, билась всем телом о запертую дверь и кричала: «Почему вы меня не пускаете? Я же своя!»). Общительность моя по свидетельствам очевидцев не имела предела! Когда к нам проходил друг семьи Серёжа, я выпрыгивала, сидя на горшке, в общую комнату с возгласом «Дядя Серёжа! Ку-ку!» Говорят, в младенческом возрасте я была болезненной и страдала от нехватки материнского молока, которое всеми правдами и неправдами добывал и покупал у кормилиц мой старший брат, прозванный за это в нашей семье «Кормящий брат». Всего этого я сама не помню, но помню множество незапертых комнат в длин-

ном коридоре общежития, куда я заходила без особого приглашения и где, как мне казалось, меня все любили. Помню атмосферу розыгрышей, ночных посиделок, мои «подслушивания» разговоров взрослых. Помню большую городскую площадь, на которой были установлены высоченные ледяные горки, с которых я каталась только в обнимку с кем-нибудь из взрослых. В Иркутске мне исполнилось пять лет. И в этом же году мы с мамой и папой переехали в Махачкалу. Брат уже к тому времени женился и остался жить в Иркутске (как выяснилось впоследствии, практически, на всю жизнь – он переехал в Германию уже пенсионером).

Махачкала 1957–1959

Так началась моя кочевая жизнь. Папа переезжал с места на место. Везде он возглавлял театры, везде ему сразу давали жильё, везде за ним спешила моя героическая мама: складывала чемоданы и обустроивала новую жизнь на новом месте. С ними, как бесплатное приложение, следовала и я. Махачкала – южный город! Я помню набережную Каспийского моря, где находилось театральное общежитие, в котором мы тоже успели пожить. Между набережной и морем проходила железная дорога. В углу нашего двора росли кусты помидоров. Они кому-то принадлежали, но мы – дети – рвали плоды тайком. В общежитии жила супружеская пара Марковых. Я знала, что их дети: Леонид Марков и Римма Маркова работают актёрами в Москве. Знала я это главным образом потому, что они присылали мне конфетки из Москвы: изумительные круглые обсыпанные сахарной пудрой клюквины в прозрачном целлофановом мешочке, окаймлённом красной ленточкой. В Махачкале я прославилась в театральной среде тем, что прочитала на городской ёлке «Семейный гимн Казимировских», который сочинил мой папа для «домашнего употребления». Скандируя этот текст, мы вместе с ним маршировали дома вокруг обеденного стола:

Мы не виноваты,

Что мы все пузаты!

Ура, ура!

Пузатая семья!

Два огромных уха

И большое брюхо,

А шеи вовсе нет –

Это наш портрет!

На празднике в театре, где я это прочитала, большинство знало папу, и моё выступление произвело впечатление! Все смеялись, пересказывали друг другу, подшучивали над папой. А спустя десять лет, когда мы уже жили в Саратове, в дверь нашей квартиры позвонили. «Кто там?» – спросила я, не открывая дверь незнакомым, как и положено примерной девочке. Из-за двери послышалось: «Мы не виноваты...» – «Свои!» – поняла я, и это, действительно, были свои – неожиданные гости из Махачкалы.

Махачкала... (Первая учительница с экзотическим именем Христина Христофоровна, родительский запрет восхищаться чем-либо, находясь в гостях, так как по местным дагестанским обычаям я немедленно получала это в подарок, любимый дядя Игорь – папин однополчанин и близкий друг (народный артист Дагестана Игорь Карбовский), неограниченное количество чёрной икры и осетрины, придуманное самой себе имя – самое красивое на свете! Меня звали Эльвира Михайловна Колокольчикова.)

Красноярск 1959–1963

А после Махачкалы был Красноярск. Сибирский город с лучшими на свете людьми (сибиряки всегда казались мне специальным народом). Я училась в школе имени художника Сурикова. Это была маленькая начальная школа – всего четыре класса. Легенда гласила, что в ней учился Суриков, а в четвертом классе стояла обычная парта, ничем не отличающаяся от других таких же, и нам говорили, что за ней сидел школьник Суриков. Посидеть за этой партой была большая честь – туда сажали лучших учеников. Я мечтала дорасти скорей до четвертого класса и посидеть за этой партой. Была ещё одна мечта: дожидаться своей очереди «дежурить по классу» и раздавать всем одноклассникам чернильницы (в ту пору мы ещё макали перьевые ручки в стеклянные баночки, наполненные тёмно-фиолетовой несмываемой и едкой жидкостью). Еле дождавшись своего первого дежурства, я бросилась к ящичку с чернильницами, но меня опередил мой сосед по парте и начал раздавать чернильницы сам. Тут впервые проявился мой бешеный темперамент! Я с остервенением вцепилась в волосы этого мальчика! От боли и неожиданности он замотал головой, пытаясь высвободиться, уронил ящик с чернильницами, большая часть которых разбилась, и чернила залили пол. Наша замечательная классная руководительница Зинаида Ефимовна срочно вызвала в школу мою

маму, и той пришлось, как я понимаю, платить за уборку и покупать новый ящик с чернильницами.

А потом мы переехали в другой район города и меня перевели в другую школу. Там я прославилась тем, что постоянно громогласно делала замечания нашей малограмотной учительнице, говорившей «морковь» с ударением на первом слоге или «шлём» вместо шлема. Родителей вызывали в школу, они вели дома со мной воспитательные беседы, я митинговала возмущённо, а они предлагали мягкий вариант: замечания учительнице делать на перемене, тихим голосом и не при всех. В это же время меня настигла первая любовь. Героя моего романа звали Стасик Ясинский. Он был старше на пару лет и жил в том же доме на этаж выше. Моей любви он не сопротивлялся, она даже приносила ему определённую пользу. Так, например, когда мой дедушка прислал нам в Сибирь из Алма-Аты огромный деревянный ящик со знаменитыми яблоками «апорт», то моя мама, хранившая яблоки на балконе, в один прекрасный момент обнаружила ящик пустым. Балкон Стасика, на этаж выше и наискосок от нашего, был очень удобен, чтобы спускать с него верёвку, к которой я и привязывала яблоки за черенок, после чего они благополучно и регулярно перекочёвывали к моему избраннику. Чувств своих я не скрывала! Все стенки в подъездах нашего дома исписала надписями: «Наташа + Стасик = любовь». Должна признаться, что, уже будучи взрослой дамой и находясь на двухчасовой транзитной пересадке в

Красноярске, я взяла такси в аэропорту и стремительно рванула в «свой» дом, чтобы, проинспектировав подъезд, обнаружить там свои записи. Не нашла! Но «поностаьгировала» чуток.

Помню Красноярский драматический театр того времени: красавец, герой-любовник Вася Корзун, высокая статная Нина Никифорова, Николай Тяк, игравший только отрицательных персонажей, великолепная актриса Долматова (они с Корзуном были замечательными Гамлетом и Офелией). Помню, как приезжал смотреть папин спектакль его учитель Борис Захава. С визитом Захавы связана очередная семейная легенда с моим участием. Мама принимала «папиного гостя» со всевозможными почестями. Во время торжественного семейного обеда Захава, у которого не так давно родилась дочка от новой молодой жены, сказал мне, ласково улыбаясь: «А у меня тоже есть такая маленькая девочка, как ты!» На что я с изумлением поинтересовалась: «А почему у вас, такого старого, есть такая же маленькая девочка, как я?» – и тут же, возмущённо и громогласно, спросила сидящего рядом старшего брата: «А чего ты меня всё время щиплешь и щиплешь?»

Вообще, надо сказать, я часто подводила родителей, дающих мне свободу слова. Так, например, рассказывали, что я заявила папиному другу режиссёру Ефиму Табачникову, регулярно заходившему к нам играть в шахматы с папой: «А вы знаете, дядя Фима, что моя мама вашу жену терпеть не

может?» – на что тот, не отрываясь от шахмат, спокойно заметил: «Да я это давно замечаю», – и продолжил передвигать фигуры. Или, отправляясь поездом на гастроли вместе с родителями и труппой театра, прослушав традиционное объявление: «Граждане пассажиры! Занимайте свои места в вагонах поезда», я в гуще актёров громогласно заявила, глядя на моих коротеньких и толстеньких родителей: «Какие же вы пассажиры? Вы же пузожир!» Помню, как кричала с балкона направляющейся к нам в гости жене Корзуна – любимой тёте Вике: «Тётя Вика! Идите скорее к нам есть арбуз, а то мама хочет его выбросить!» Помню, как, отдыхая в лесу на обкомовской даче, окружённой со всех сторон забором, я увидела у охраняемого входа какого-то мужичка, который обратился ко мне, девятилетней, с трогательной просьбой: «У меня больна жена и ей нужно срочно сделать спиртовые компрессы на горло. Помогите мне, пожалуйста, купить водку в вашем магазине!» Тут надо добавить, что, по-видимому, единственный близлежащий магазин в этом месте находился на нашей «специализированной» территории. Почему-то именно в этот день у магазина стояла огромная очередь (может, и на обкомовскую дачу завозили продукты в определённые дни?). Во всяком случае, вся толпа народа покатила со смеху, когда я стала рассказывать слёзную историю о больной жене и просила пропустить меня без очереди.

Хочу упомянуть мою музыкальную школу и моих чудесных учительниц: Анну Ивановну, которая слишком высоко

оценивая мои способности, добровольно передала меня лучшему педагогу этой школы Тамаре Фаустовне Абрамович. Невзирая на способности, заниматься я не любила, ставила под ноты книжку и, играя одной рукой (для мамы, которая осуществляла контроль, параллельно хозяйничая на кухне), другой перелистывала книжные страницы, поглощая какую-нибудь захватывающую историю. Музшкола и музучилище в те годы размещались в одном и том же старинном оранжево-кирпичном здании. В училище училась моя двоюродная сестра Таня Мейлер, которая приехала к нам из Москвы и год жила в нашей семье. Московская красавица 16 лет, с «бабеттой» на голове и в модной юбке колоколом, – на неё заглядывались прохожие, а я, десятилетняя, ей завидовала и мечтала стать такой же красивой! Особенно меня потряс случай, когда нас окликнула бабка, продававшая на улице цветы, и вручила Тане букет от какого-то прохожего. «Не оглядывайся!» – шипела мне сестра, когда я, сворачивая шею, тщетно пыталась найти в толпе этого неизвестного поклонника. Воспитания тогда я была вполне свободолюбивого, но это не переходило никаких границ дозволенного. Конечно, я подслушивала критические разговоры взрослых и их недовольство разными обстоятельствами жизни, но в целом у меня было всё хорошо. У меня были самые лучшие в мире мама и папа, я хорошо училась, я любила театр! Потом меня отправили в Артек (который мне совсем не понравился, невзирая на все красоты Крыма). Результатом идеологи-

ческого воспитания и артековской поездки стала сочинённая мной по заданию учительницы литературы былина про Гагарина.

Воспроизвожу:

*Как во дальнюю в сибирску во сторонушку,
Во сторонушку Красноярск-Градом прозванную,
Прилетела весть крылатая,
Весть крылатая да пригожая,
Что удаленький дородный добрый молодец
Юрий наш Гагарин свет Алёшевич
На железном коне да на крылатом коне
Облетел всю землю нашу родную
С самого начала и до краюшка!
И привиделся мне Гагарин тот,
Богатырь наш русский родименький,
Что главою своей подпирает он небушко
И идёт он гора горой,
А земля-то под ним подминается,
А он шагает, да в ус усмехается.
А потом как-то в лето красное,
Лето красное да пригожее
Я попала в селенье приморское
Селенье чудное, черноморское.
То селенье Артеком названо*

Артеком-лагерем названо-прозвано.
И сказали в Артеке нам: «Детушки!
Ой вы детушки-малолетушки!
Одевайтесь, собирайтесь,
И торжественно наряжайтесь,
Да бегите вы на Костровую площадь –
Площадь праздничную, чудес навидавшуюся.
Там вы встретите детинушку могучного,
Нашего Гагарина родимого,
Нашего Гагарина родимого,
Нашего Юрия свет Алёшевича.
Ожидали мы увидеть богатырского
Богатырского удала добра молодца,
А увидели простого человечешку,
Человечешку обычного, хорошего.
Ай такие человечешки
По всей нашей землюшке похаживают,
Похаживают, пображивают
Своё дело славно делаячи.
Вот какие у нас богатыри пошли,
Богатыри сильные да умелые
Да им славу будут петь
Век по веку!

Вот такая я была идеологически выдержанная! Былину мою высоко оценили – по литературе у меня всегда была

хроническая пятёрка!

Бобрик Гора

В Красноярске я начала болеть. Простуды, воспаления лёгких, и наконец, бронхоаденит, который мне объяснили как лёгкую форму туберкулёза. Папа решил переехать в тёплые края на новое место жительства – в город Алма-Ату. А до этого было решено отправить меня на несколько месяцев на лечение в санаторий. Детский лёгочный санаторий под Тулой в местечке Бобрик Гора стал одним из самых неприятных воспоминаний моей жизни. Большие палаты, наполненные детьми разных социальных и культурных установок (помню, было много бурятских девочек с длинными волосами, которые они не стремились расчёсывать каждый день). Бурятское большинство этого санатория учило нас пить горячий чай, закидывая туда кусок масла и, кажется, даже соли. Садистки нянечки и воспитательницы! Никогда не забуду, когда с хулиганящего в тихий час мальчика они стянули трусы в наказание, заставив того стоять рыдающим и голым всем на обозрение. Помню «деликатес» – розово-водянистое плодово-ягодное мороженое, которое изредка разрешали нам покупать за собственные деньги. Помню очередное моё «буйство», от которого у меня до сих пор остался след: шрам на правой руке. Дразнивший и задиравший меня мальчишка-одноклассник бросился убежать по школьному коридору. Бегала я всегда медленно, поэтому он успел

забежать во второй отсек коридора и захлопнуть за собой большую стеклянную дверь, за которой чувствовал себя в полной безопасности, прижимаясь к стеклянной перегородке всем лицом и продолжая кривляться. Ни секунды не задумываясь, я в бешенстве ударила всей рукой по этому наглому лицу, то есть по стеклянной двери. Честно говоря, не помню, что стало с этим мальчиком, думаю, что ничего, так как всё внимание учителей было приковано к моей кровавой ране, меня отвели к врачу, наложили металлическую скобку. Постепенно всё зажило.

Алма-Ата 1964–1970

И вот уже Алма-Ата, что в переводе означает «Отец яблок». По всему городу арыки, в которых журчит вода. Огромные клумбы с высокими разноцветными гладиолусами. Домик бабушки в самом центре на скрещении проспекта Абая и улицы Ленина. За бабушкиным домом возвышаются горы, где мы собираем ранние подснежники. Кругом продаются громадные красные яблоки, просто иногда с голову новорожденного ребёнка. Папин театр у сквера имени 28 Героев Панфиловцев (вникать, кто такие эти панфиловцы, мне в голову не приходило – герои и героини...). Папино имя на афишах по всему городу (один раз мне как-то стало грустно и одиноко на остановке автобуса в центре города, но увидев нашу с папой фамилию на ближайшем столбе, я успокоилась). Первые женские ощущения от внимания мужчин, заговаривавших, «пристававших» ко мне на улице. Мне это нравилось. Думала иногда: «А как же я буду жить старой, когда на меня уже не будут обращать внимания мужчины?» (от автора: и это, действительно, оказалось грустно). Весёлая, избалованная, самоуверенная девочка – я настолько была сильна в своей самовлюблённости, что, как выяснилось буквально на днях, совершенно вытеснила из своего сознания учёбу и травлю со стороны одноклассников в 25-й школе Алма-Аты. Я помню, как дралась с мальчишками в школе, как

наваливалась на них и была смертным боем, но не помнила, что меняла школу – всегда была уверена, что училась в 23-й школе. Пазл сложился только пару месяцев назад, когда мне позвонила почтенного возраста дама, фамилия которой мне смутно что-то напомнила. Сообщила, что она моя одноклассница и помнит отчетливо, как меня травили в школе, даже помнит мой портфель с двумя замками, который у меня отнимали мальчишки и перебрасывались им над моей головой. А я металась от одного к другому, пытаюсь его забрать. Я мучительно пыталась вспомнить эти сцены, даже позвонила своей кузине – ровеснице, прожившей всю жизнь в Алма-Ате и подтвердившей, что я-таки училась некоторое время в школе 25. Я помню только, что никогда не любила обычную общеобразовательную школу. Подделывала справки, чтобы не ходить на уроки физкультуры, ненавидела учителя по черчению, который говорил мне ледяным тоном, показывая на циркуль: «Казимировская! Возьмите этот предмет в правую руку и чертите им, а не левой ногой!» С теплом я вспоминала всегда только музыкальную школу имени Амре Кошаубаева на улице Гоголя у городского рынка и свою невероятную учительницу – ссыльную немку Сильву Георгиевну Когай – подругу Рудольфа Керера. До сих пор не могу себе простить, что не сохранила дневников с её записями! Но если вы подумаете, что она меня бесконечно хвалила, то вы глубоко ошибётесь! Сильва Георгиевна делала всё, чтобы жизнь не казалась мне мёдом. Она выгоняла меня с

уроков, а вслед мне летел мой дневник. Она всегда занижала мои оценки (помню, как Сильва Георгиевна довела себя до сердечного приступа, с пеной у рта доказывая комиссии на академическом концерте, что мне надо поставить «четыре» а не «пять»). Но зато я начала побеждать на конкурсах, что стимулировало меня и заставило продолжать занятия фортепиано. До сих пор храню маленький барельеф Глинки – награду за победу в конкурсе 1964 года на лучшее исполнение «Сольфедетто» Филиппа Эммануэля Баха, которое мы играли за закрытым занавесом. А сколько времени и энергии вложила Сильва Георгиевна в мою подготовку к Первому Национальному конкурсу юных пианистов Казахстана. Мы занимались в зале целыми днями, моя мама приносила нам бутерброды, убеждая делать маленькие перерывы на еду. Но результат не заставил себя ждать. Я получила первое место! Помню, что играла, среди прочего, ре-мажорную сонату Моцарта и три очаровательные пьески Стоянова. Было много шума, меня показали по телевизору! Тогда для меня это что-то значило! Сильва Георгиевна была и является для меня образцом Учителя, которому обязаны и я, и все мои ученики своими успехами. Она прекрасно играла сама. Совершенно необычным и необъяснимым для меня было то, что Сильва Георгиевна плохо СЛЫШАЛА! Находясь от неё поблизости, надо было почти кричать, чтобы она услышала твою речь. А вот в огромном концертном зале, сидя в последнем ряду, она слышала каждую неверную ноту, малейшее несовпадение с

её трактовкой. Вот этим всем я и жила! И уж какая тут 25-я школа, какие портфели, какой циркуль!

А папин театр! Это был целый мир: мощный Диордиев – Король Лир, интеллектуал Померанцев – Шут, исчезающий в папином спектакле на одном из поворотов сценического круга, ослепительная цыганка Алёна Скрипко в «Рабе своего возлюбленного» Лопе де Вега. Это были имена, которые я слышала дома, это был мир, которым я дышала. А ещё были дворовые подружки и друзья – такие разные!

Майра Мухамбетова – очаровательная круглолицая казашка из ведомственного дома ЦК. Один раз её фотографию поместили в газету, и целым событием стало для нас письмо, присланное ей каким-то солдатиком, влюбившимся в неё и предложившим ей переписку! Зойка Абенова, живущая в барачном доме наверху какого-то странного недоразрушенного холма в центре нашего двора на углу улиц Масанчи и Абая рядом с магазином «Салтанат». Ещё я дружила с мальчиком Борей Фищуком – тонким и звонким, хорошеньким и женоподобным! Один раз я была приглашена на его день рождения. Это было очень необычно и изысканно! Мы ели шоколадный мусс и играли в шарады. Там я познакомилась с интересным «гладким» мальчиком Сашей Пучкиным, с которым впоследствии пересеклась в ленинградском театральном институте. Думаю, что он был связан с органами безопасности, во время учёбы работал консультантом на съёмках советско-американского фильма «Синяя птица»

и об этом холемом молодом человеке ходили определённые слухи в нашем институте.

Годы учёбы. Саратов 1966–1968

Но вернусь к себе и к своим переездам. Мне 14 лет! Папа опять в новом театре. Это Саратовский драматический театр, носящий гордое имя Карла Маркса. В театре работают маститый Юрий Каюров и юный, совершенно «зелёный», по словам папы, Олег Янковский, женатый на ведущей актрисе театра Людмиле Зориной. Красивенький и юный Янковский того времени, уже выкрашенный в соломенный цвет для фильма «Щит и меч» и рассказывающий глупые анекдоты в театральных гримёрках, мне совершенно не нравился и даже не льстила зависть подружек (ведь я могла не только легко пересекаться с Янковским в кулисах, но даже репетировала один раз с ним общую сцену в спектакле «Судебная хроника» Якова Волчека, где Олег играл хулигана Бабичева, а я изображала положительную девочку Надю, мужественно свидетельствующую против него в суде). Нравиться не нравился, но когда Янковский, обращаясь ко мне – Наде, произнёс нечто, типа: «Выступила? Теперь пей по утрам молоко! Будешь бегать далеко, будешь прыгать высоко!» – у меня пошли мурашки по телу! Видимо, режиссёру – моему отцу – сразу стало понятно, что на роль положительной героини я не гожусь – он не продолжил работу со мной, это была единственная репетиция. К тому же я была занята по горло – стала студенткой музыкального училища при Саратовской кон-

серватории.

Саратов был и, похоже, остаётся моим самым любимым городом! И, наверное, не только потому, что в те годы он был очень красив: широченная Волга, огромный мост, связывающий Саратов с Энгельсом, очаровательный сквер Липки с памятником Чернышевскому на площади при входе. И здесь же, наискосок друг от друга, на пересечении улиц Радищева и Кирова, два самых дорогих для меня здания: Консерватория имени Собинова и наше музыкальное училище, непосредственно граничащее со стадионом, который зимой превращался в огромный каток с музыкой, цветными фонариками и бегущими по льду фигурками. Саратов мне дорог, в первую очередь, потому что здесь прошла моя ранняя юность – самые счастливые годы с искренними порывами души, возникновением крепкой дружбы, с интересной и осмысленной учёбой. Здесь испытала одну из самых сильных влюблённостей в своей жизни, не побоюсь сказать, любовь. Вся жизнь воспринималась остро, иногда остро до болезненности! На курсе я оказалась одной из самых младших. Нас таких было только четверо: Таня Васильченко – дочь бывшего директора нашего училища, Таня Агроскина – дочь замдиректора оперного театра, я и Наташка Шабалина – дочь какого-то солидного юриста. Нас «по благу» приняли в училище на год раньше положенного, обязав доучиваться в 8-м классе вечерней школы. Мы стали закадычными подругами и, по моему мнению, самыми лучшими пианистками курса.

Гордились своей симметричностью: две Наташки – две Танюшки, две стройняшки – две толстушки, две блондинки – две шатенки. (Сейчас грустная симметрия тоже соблюдена: двое из нас ушли в мир иной, мы с Агроскиной ещё живём, тьфу-тьфу-тьфу.)

Учиться в саратовском училище было радостью. Поскольку оно было «при консерватории», мы сразу почувствовали себя взрослыми. У нас были те же преподаватели, что и в консе (так фамиллярно мы называли консерваторию), возникали общие компании со студентами, а кроме того, в самом училище учились люди намного старше нас, например, на вокальном отделении. Так возник в моей жизни Анатолий Безродный – высокий донской казак с неотразимым для меня взглядом светлых глаз. Он обладал красивым, на мой вкус, баритоном, был старше меня на одиннадцать лет и заканчивал последний курс училища. Его другом в те годы был, ставший впоследствии известным, драматический тенор Володя Щербаков. Но какой тенор может сравниться с бархатным и мужественным баритоном, поющим чувственно: «Я встретил вас...». Мы познакомились на новогоднем вечере, где я была наряжена цыганкой, а он нахлобучил на себя какую-то собачью голову. Он не оставлял меня в покое весь вечер, без конца повторяя одну и ту же фразу: «Ох, хороша цыганка!» Я внутренне с ним соглашалась, что «хороша», чувствовала себя неотразимой, скользила, убегала, он раздражал меня своей прилипчивостью, хотелось успеть

покорить в этот вечер ещё чьё-нибудь сердце. Но вскоре за мной пришёл папа и отвёл меня домой.

А потом я «заболела» этим человеком. Помногу раз бродила по улицам, где могла встретить ЕГО (и встречала – Бог дарил мне эти встречи), вела дневник, где подробно и взволнованно описывала каждый его взгляд, который я ловила, и каждый вздох, который я отпускала при встрече. А он начал сторониться и избегать меня, узнав, что мне всего четырнадцать лет и что я дочь известного в Саратове человека, то есть ответственности за меня не избежать. Тем не менее, моя настойчивость иногда вознаграждалась! Никогда не забуду те несколько часов в музыкальном училище, когда я явилась туда в выходной день, зная, что он подрабатывает там сторожем. Видимо, ему было скучно и в какой-то мере льстила моя романтическая влюблённость, потому что некоторое время (а на мой взгляд, целую вечность) Безродный читал мне своего любимого поэта Есенина, а я каждую фразу любовной лирики относил на собственный счёт. «Какие у тебя сейчас глаза!» – сказал он с чувством в конце нашей встречи, и я, совершенно счастливая, отправилась домой. (Возможно, что я не буду понята сейчас современным поколением, у которого совершенно иные представления и ощущения от такого рода взаимоотношений. Возможно, не будет понят и «герой моего романа» или его поведение объяснят иным образом, но я убеждена, что в отношении ко мне у него сочетались заинтересованность, удивление, польщённое самолю-

бие и страх «перейти грань».) Так продолжалось два года. А потом папа опять поменял театр. На сей раз мы переезжали в родную для папы Белоруссию, в город Витебск, где он когда-то ставил свой дипломный спектакль «Лекарь поневоле» с выдающимся Ильинским (белорусским Ильинским) в главной роли. Я уезжала из Саратова с разбитым сердцем. Мы сели в машину, погрузили в неё вещи и поехали на вокзал, а по дороге я умолила папу в последний раз провезти меня по саратовским улицам. И, о чудо! На перекрёстке я увидела Его, переходящего дорогу. Наши взгляды встретились, и машина увезла меня. Не думаю, что он что-нибудь понял в этот момент «рокового» совпадения, просто узнал позднее о том, что мы покинули город.

Витебск 1968 (июнь) – 1968 (декабрь)

Витебск я невзлюбила сразу (по всей видимости, несправедливо). Но уж больно всё отличалось от Саратова! Школярская атмосфера в музыкальном училище, провинциальные нравы – все знают всё и всех, сплетни. Лысый и отвратительный директор музучилища Кутневич, который начал приводить меня в «норму» и столкнулся с жёстким моим противодействием. Я любила ходить с распущенными волосами – это явно говорило о моей распущенности и дурных наклонностях. На меня появились шаржи в стенной газете, а красивая «эсэсовка» – секретарь парторганизации и по совместительству преподавательница литературы – попыталась запретить мне появляться на занятиях в таком виде. В один прекрасный день я появилась на её уроке с двумя заплетёнными косами и двумя огромными капроновыми бантами, закрывающими практически всю голову. Сложив ручки на столе, – одна под другой, как и полагается очень примерной девочке, и соорудив умильное лицо, я мужественно выдерживала, чтобы не расхохотаться в голос. Зато, глядя на меня, веселились всю мою однокурсники. Дама никак не могла призвать их к порядку. Больше всех резвился скрипач Миша Казинник! «Казинник, прекратите!», «Казинник замол-

чите!» – командный голос нашей «эсэсовки» не помогал наведению дисциплины. Когда прозвенел звонок об окончании урока, я демонстративно стянула с головы свои банты и не менее демонстративно начала сворачивать их в трубочку. Меня вызвали к директору. Глядя на него в упор, я заявила: «Причёску не поменяю. Хотите – выгоняйте! Но напишите в формулировке ЗА РАСПУЩЕННЫЕ ВОЛОСЫ». Ради справедливости надо признать, что за распущенные волосы меня шпыняли и в Саратове (нравы в Стране Советов были строгие!). Не проходило дня, чтобы какая-нибудь бабка на улице не прошипела бы: «Распустила Дуня косы, а за нею все матросы!» А на постоянные вопросительно-злые вопросы прохожих: «И чего ты волосы-то распустила?» – я отвечала, глядя прямо в глаза (вычитала в какой-то книжке): «Дураков считать!»

Если вернуться к Витебску, то несмотря на то, что город этот был связан с Марком Шагалом, и мой папа вместе с театральным фотографом Коханом даже посылали Шагалу фотографии старого Витебска (насколько я помню, городское начальство не откликнулось на желание Шагала посетить город и даже не приняло от него в подарок его картины), несмотря на наличие довольно интересных знакомств (чего стоил, например, наш учитель по гармонии композитор Борис Яковлевич Магалиф, поощрявший нас называть его Борисом Ящеровичем – человек, живший в двухкомнат-

ной квартире, где в одной комнате ютился он сам с женой и сыном, а в другой размещался огромный террариум со змеями и ящерицами. Иногда прямо на уроке рубашка на нашем преподавателе начинала шевелиться и из-под неё около ворота высывалась головка какого-нибудь земноводного. Мы ловили мух на занятиях, чтобы кормить его ящериц (и не было большего комплимента для девочки со стороны Магалифа, чем сравнение с «ящеркой»). Несмотря на усиленное внимание со стороны однокурсника Миши Казинника и некоторых других особей мужеского пола, несмотря на активное и очень весёлое участие в массовках, где в «Нестерке» я переодевалась в национальную белорусскую одежду и пела с упоением в хоре «Сивый конь, сивый конь – белые голёнки, ты не едь, мой миленький, до чужой до жёнки!», а в «Клопе» Маяковского (пост. Бориса Эрина) меня одевали в блондинистый парик и узкую юбку, и я, невзирая на пышные формы, ритмично двигалась вместе со всеми под весёлую музыку, так вот, несмотря на всё это, я страшно тосковала и хотела вернуться в Саратов во что бы то ни стало! Я просто сходила с ума и периодически играла и пела, примеряя на себя текст романса «Я ли в поле да не травушкой была...». Особенно трагично выводила я строчки: «Неволей меня бедную взяли», а потом своего сочинения: «И в Витебск проклятый умотали, – и опять классическое, – Ах ты горе моё горюшко, Знать такая моя долюшка!» Я просто бредила наяву, закрывала глаза и представляла себе, как иду по

любимым улицам Радищева, Провиантской, Рабочей. Я писала неистовые письма нашему доброму директору Ялынычеву и умоляла разрешить мне перевестись назад в середине учебного года. А тут ещё подружки стали писать, что в училище появился новый преподаватель, ну до того интересный, и до того замечательный предмет он ведёт «Смежные виды искусства», что я сразу поняла – это моё!

Саратов 1968–1970

В зимние каникулы я с благословения моего любимого папы отправилась в Саратов, уселась плотно в директорской приёмной и сообщила слегка ошеломлённому директору, что не сдвинусь с этого места, пока меня не примут назад. «Доконала родителей?» – спросил он коротко, и я была возвращена в альма-матер! (Всю жизнь я была ему за это благодарна! Когда через множество лет, прилетев в Саратов из Швеции, я нашла его – старенького больного алкаша – и обрушила на него море подарков, он заплакал.)

Так я «ушла» из родительского дома. Мне было шестнадцать лет. Родители и Эдик поделили расходы на меня: 100 рублей – 50 плюс 50. Этого мне с лихвой хватало на оплату койки для жилья, оплату съёмного пианино для занятий и на пирожки с бочковым кофе в ближайшей забегаловке. Иногда я устраивала себе пир: покупала на Крытом рынке зелёный лук, огурцы, редиску и мягкую непересушенную воблу и наслаждалась... Частенько забегала к приятельнице, пышногрудой официантке в кафе напротив консерватории, и угощалась блинчиками, политыми маслом и посыпанными сахаром. Так я легко и весело пережила голодные годы в Саратове, проходя мимо всех людских очередей за продуктами: мясом, колбасой, яйцами и лишь мельком пробегая глазами по пустым магазинным полкам с пирамидками консервных

банок, – салатом из морской капусты.

А ещё у меня были друзья – мальчишки моего двора. Всё свободное время я проводила с ними, в основном играя во дворе в настольный теннис. Играла я неплохо (впоследствии даже получила какой-то разряд), один раз потрясла их воображение тем, что, крутанувшись неудачно, зацепилась за что-то плиссированной юбкой и, порвав её от подола до талии, продолжила игру до конца, сверкая трусами и ляжками (гордость не позволила мне убежать сразу!). Особенно любила я Вовку Левинсона – здорового крепкого брюнета (впоследствии выяснилось, что его мама – двоюродная сестра актёра Э. Виторгана, не проявлявшего, впрочем, никакого интереса к своим «незнатным» родственникам) и рыженького обаятельного шутника Лёню Гурьянова. С этими двумя мальчиками я поддерживала связь очень долго. Они оба получили «практичные» профессии, как и положено еврейским мальчикам без особого образования. Вовка стал часовщиком и гравёром, работал в собственном киоске на бойком месте в помещении городского рынка (что-то он мне даже когда-то выгравировал и что-то починил), всю жизнь прожил в Саратове, был заядлым охотником, страшно растолстел (хотя вечно дразнил меня и мою подружку Васильченко за отсутствие талии), заболел и, к моему великому горю, умер. Лёнька работал фотографом, впоследствии подавал какие-то признаки жизни из Израиля, был, по-моему, женолюбом и одновременно подкаблучником, потом ис-

чез с моего горизонта... Оба мальчика, уже будучи взрослыми, признавались мне, что невзирая на всяческие ехидства, дразнилки и внутренние разборки, они сами и ещё пара мальчишек нашего двора были в меня влюблены. Думаю, что я это чувствовала и поэтому ни на что по-настоящему не обижалась, а «купалась» в этом мальчишечьем обожании, а сама думала только о Безродном.

Итак, вернувшись в Саратов и начав новую жизнь без родителей, я оказалась в комнате вдвоём с какой-то бабушкой, в квартире с общей кухней, с соседями, взрослый и женатый сын которых выказывал мне всяческое расположение. Всё это меня никак не задевало и не волновало, а находилось на периферии жизни, главное действие которой проходило на перекрёстке улиц Радищева и Кирова. В шесть утра открывалось музучилище, и я приходила в это время туда, чтобы ухватить возможность позаниматься пару часов до восьми утра, до начала занятий, до прихода остальных студентов. Потом шли обычные занятия. В обеденные часы я бежала в квартирку напротив, где одна предприимчивая бабулька сдавала пианино для занятий. А поздно вечером возвращалась назад в училище и занималась ещё два часа до закрытия. Шесть часов ежедневных занятий, академические концерты, выступления. Сцену я любила, волновалась, конечно, но любила. Любила учителей! Благородного вида старец Гончаров, преподаватель камерного класса, в вечно усыпанном

перхотью пиджаке, беспрестанно певший в унисон с нашей игрой, его жена – старенькая Неверова – преподаватель фортепиано, холодная и белокурая Воскресенская – жена «зловоненького» завуча, которого мы все побаивались; суховатая и жестковатая на вид, но на самом деле довольно трогательная выпускница ленинградской консерватории Ирина Николаевна Иванова. И, конечно, два наших консерваторских профессора, которые тоже имели учеников в училище: экстравагантный и смешной в своём вечном беретике Семён Соломонович Бендицкий, ученик Нейгауза, и вальяжный, слегка надменный красавец Борис Гольфедер. Сольфеджио и гармонию у нас преподавал теоретик и композитор Виктор Владимирович Ковалёв – автор балета «Девушка и смерть», в прошлом муж известной в те годы оперной певицы Галины Ковалёвой и, по слухам, «сделавший» её. Через много лет мы с подружками признались ему в «страшном преступлении». Мы – яркие пианистки, музыкальные, темпераментные, довольно виртуозные, но у троих из нас был довольно посредственный слух, и сдать прилично госэкзамен, написав трёхголосный диктант, было просто невозможно! Верхний и средний голоса ещё реально, но бас... И мы придумали! Посадили прямо перед нами нашу подружку Васильченко, единственную из нас, кто обладал абсолютным слухом, и она, заложив левую руку за спину, продиктовала нам весь нижний голос: один палец – До, два – Ре, три – Ми, четыре – Фа, пять – Соль, кулак – Ля, комбинация из трёх пальцев –

Си! Все мы – четверо – сдали госэкзамен на «отлично»! Выслушав наше признание, Ковалёв не только не возмутился, но пришёл в восторг и, как говорят, рассказывал следующим поколениям студентов о нашей изобретательности!

Очень любила я студентов-товарищей! Самый лучший в училище кларнетист Зотов, которому я аккомпанировала и с которым переиграла ряд шефских концертов. Витя Пацевич – длинный, как верста, под стать своему контрабасу, над которым он возвышался ещё на метр (говорят, он играл у Спивакова в какие-то годы). Алкаш уже тогда, он, будучи четверокурсником и получив, как и мы все, белый нарцисс для вручения «новобранцам» – первокурсникам, поднёс его к носу, потянул воздух и, изобразив блаженную мину, произнёс: «Ркацители» (сорт вина). Лучший вокалист Паша Сычёв (не знаю, какую он сделал карьеру и сделал ли) и способный парень Сергей Алексашкин (ныне солист Мариинского театра). А сколько шуток, сколько веселья вызывали даже всяческие неприятности! Помню, как закрыли на ремонт женский туалет (а смешанных тогда не существовало). Родилась частушка, которую мы тут же спели на концерте на мотив из «Ярославских ребят»:

*А намедни, а намедни
Нам закрыли туалет.
Этим очень подорвали, о-ох!
Женский наш авторитет.*

Один раз на уроке музлитературы я насмешила всех однокурсников, не подумав и выучив мрачный лейтмотив «Пиковой дамы» в скрипичном ключе и сыграв его весело и бодро. С тем же Пацевичем разыгрывали мы сценку на праздничном «капустнике», где я исполняла роль «кроткой и беззащитной» мамыши, а он – моего недоросля-сыночка, которого я приводила за ручку на музыкальный экзамен. «Поверьте сердцу матери!» – говорила я, с удовольствием прикладывая руку «экзаменатора» к своей груди.

А потом был выпускной бал, на котором я перецеловалась со всеми нашими чуть подвыпившими учителями: от председателя экзаменационной комиссии и ректора консерватории Кузнецова до милого с мягкими тёплыми губами Олега Одинцова – одного из лучших наших педагогов (к счастью, «Ми Ту» тогда не зверствовало, и эти поцелуи никого и ни к чему не обязывали!).

Не могу обойти вниманием ещё одного нашего преподавателя, с которым жизнь столкнула меня в те годы, сталкивала впоследствии в театральном институте и сталкивает иногда и сейчас. Это тот самый «новый» преподаватель «Смежных видов искусства» блистательный лектор Георгий Александрович Праздников. Он прибыл в Саратов из Ленинграда, впоследствии сделал приличную карьеру и сейчас является профессором нашего питерского Российского института сценических искусств. А в те годы он преподавал в нашем

саратовском училище, и, я подозреваю, что никогда и нигде он не был так любим и обожаем, как у нас. В нашем тесном и достаточно провинциальном мире его лекции и рассказы были, как глоток свежей воды! Смею думать, что принадлежала к числу его любимых учениц: я провожала его домой после занятий, впитывая каждое слово. Он открыл для меня Мандельштама, Ахматову, Цветаеву, Уолта Уитмена. Подарил самиздатскую копию книги «Камень», и я повторяла и выучивала оттуда прекрасные строки: «На бледно-голубой эмали, какая мыслима в апреле...» Я никогда не была влюблена в Праздникова, хотя впоследствии во время первых лет учёбы в театральном институте, наши отношения принимали различные формы. Думаю, что просто глубоко уважала его, он был мне интересен, казался значительной личностью, и мне льстило его отношение ко мне.

Влюблена я была все эти годы в так и не состоявшегося певца Анатолия Безродного, который после окончания училища не поступил в консерваторию, а пошёл по профсоюзной линии и сторонился меня ещё больше после моего возвращения в Саратов. У него были красивые взрослые девушки, которых он нередко менял, – а я вела им учёт, мучительно завидовала, писала ему письма, воображая себя Татьяной из «Евгения Онегина», и доходила даже до того, что, зайдя в кафе после его ухода оттуда, прикладывала губы к его чашке с недопитым кофе. «Болела» я этим человеком долго, но в какой-то момент, когда он уже решился посягнуть на мою

невинность, и для этого возникла подходящая ситуация, сработали моё воспитание и инстинкт самосохранения – и дело ограничилось страстными поцелуями, следы от которых я носила и берегла как заслуженные и выстраданные почётные ордена.

После этого мужского «фиаско» уже никакие мои «преследования» и попытки оправдаться не возбуждали интереса в этом взрослом и опытном мужчине, они стали его просто раздражать. Должна рассказать о финале этой истории, когда много лет спустя я прилетела из Швеции навестить любимый город, любимых друзей и, конечно же, хотела увидеть человека, благодаря которому я пережила такие сильные чувства. Узнав телефон, я позвонила ему и попросила о встрече. Он категорически отказался. Я смирилась и «терпела» почти до самого конца своего пребывания в Саратове, а затем решила, что не буду себе отказывать в желаниях и, взяв такси, отправилась по адресу, где проживал мой избранник со своей семьёй. Это оказался убогий рабочий район на окраине города.

Попросив таксиста подождать меня, я выпорхнула из машины и отправилась на поиски нужного подъезда. У подъезда на лавочке сидел мрачного вида дедок в старомодной шляпе и читал газету. В своей меховой пижонской «разлетайке», я выглядела в этой обстановке, как павлин, залетевший в курятник. «Не подскажете код подъезда?» – обратилась я к старичку, подумав в ту же минуту, что подобные «совковые» личности обязательно проявят бдительность и

добровольно не «сдадутся». К моему удивлению, код я получила немедленно и, взлетев на нужный этаж, позвонила в дверь. Мне никто не ответил. Тогда я позвонила к соседям. Открыла приветливого вида женщина, и я попросила передать Анатолию Безродному привет от шведской гостьи и пакет, в котором были пара бутылок виски и моя фотография. «Да он же сидит там на лавочке!» – всплеснула руками женщина. О ужас! Как же мне сердце не подсказало, как не дрогнуло во мне ничего! Когда я сбегала вниз, старичка и след простыл! Села в своё такси и попросила водителя объехать дом дважды, пояснив, что, похоже, один старичок затаился в кустах. Никого не нашла. Прилетев домой в Швецию, я позвонила Безродному и услышала горестные признания в несостоятельности, в неудачной семейной жизни, в болезнях и нежелании мне показываться в таком виде. Конечно же, он меня узнал! И на прощание сказал, что, наверное, он всё-таки чего-то стоит, если я сохранила память о нём.

Витебск 1970–1971

После окончания училища, сдав госэкзамены на «отлично» и изумив всех, от симпатизирующего мне ректора консерватории до закадычных подружек, дружными рядами идущих по протоптанной дорожке, я не стала поступать в консерваторию, а вернулась в Витебск с намерениями поступать в театральный институт на актёрское отделение. Папа подготовил меня к экзаменам: проза – «Мальва» Горького, стихи – Маяковский «Скрипка и немножко нервно...» и «Скифы» Блока, басня Крылова «Троеженец» (почти весь этот репертуар могу прочитать и сегодня).

Папа привёз меня в Минск и показал сначала старенькой Вере Павловне Редлих, в прошлом знаменитой руководительнице новосибирского театра «Красный факел», а в те годы преподававшей в минском театральном институте. «Деточка! – сказала Вера Павловна, – если бы я набирала курс, я бы вас взяла, но курс в этом году набирает Рохленко». Папа привёл меня к Рохленко. Тот, посмотрев на меня внимательно, заявил, что курс в этом году набирается «целевой» для пополнения труппы театра Янки Купалы и там нужны высокие стройные голубоглазые блондинки (всему этому я не соответствовала ни в коей мере!). Помню ещё, что зачем-то читала свой репертуар Борису Луценко – руководителю русской драмы. Большого восторга он не выказал. Мы пошли с

папой в ресторан, и там он удивил меня, предложив закурить сигарету (признаюсь, что в тот период я покуривала, но не при родителях). Обсудив ситуацию и признав её безвыходной, мы уехали обратно в Витебск, где я и прожила ещё год до поступления в ленинградский театральный институт на театроведческий факультет.

Как мне кажется, именно в то время в Витебске разыгрались первые сцены жизненной трагедии моего брата. Один раз он неожиданно прикатил из Иркутска к нам в гости с сыном Марком и успел пробыть один или два дня. Ночью в нашей квартире раздался звонок. Я уже была в постели, но выскочила в коридор и успела увидеть (пока меня не попросили уйти) совершенно разъярённую и истерически кричащую Бэлку, жену Эдика. Вся семья уединилась на кухне, а я уснула. Когда я проснулась, Бэллы уже, по-моему, не было. Выяснилось, что Эдик привёз Марика без разрешения его мамы. А она немедленно прилетела за ним следом. Уже потом, несколько лет спустя, я узнала подробности этой ситуации. Эдик обнаружил, что жена ему изменяла и, решив с ней немедленно развестись, не нашёл ничего лучшего, как схватить ребёнка в охапку и сесть с ним в самолёт. Этот первобытный порыв стоил ему дорого. Да, мой умный, добрый и интеллигентный папа сумел в ту ночь убедить Бэллу, что Марку в этот сложный период лучше побыть с нами, и она оставила его нам на какое-то короткое время. Но потом отношения складывались так, что Марк был отлучён от свое-

го отца и от нашей семьи и вырос глубоко одиноким человеком, талантливым и тонким, но без жизненного стержня. Работая геологом после окончания Московского университета, он страстно любил камни и минералы и собрал потрясающую коллекцию. В этих же геологических экспедициях он пристрастился к алкоголю и в итоге практически спился, заболел и умер. Эта цепочка несчастий продолжилась в судьбе его собственного сына, которого воспитывала мать-одиночка – милая Катя, которую Марк бросил из-за какого-то «походного» увлечения. После смерти Марика, его сын Володя – умный перспективный программист, только недавно нашедший работу в Питере и живший со своей девушкой, неожиданно для всех покончил с собой. К этому времени у моего брата уже давно была другая семья и нежно любимый взрослый сын Мишуня, бизнесмен, который помогал всем членам семьи выживать в сложных обстоятельствах. Тем не менее, я убеждена, что именно эти трагедии укоротили жизнь Эдика, который ушёл от нас около двух лет назад.

Не помню последовательности встреч и событий в Витебске. Кого-то помню ещё по первому полугодичному пребыванию, кого-то встретила уже в это время – время паузы до поступления в питерский Институт театра, музыки и кинематографии. Были подружки, не оставившие большого следа в моей жизни. Среди них помню только милую и добрую Олечку Трус – дочку народного артиста Белоруссии Анатолия Труса, мудрую и спокойную Оксану Соловьёву, бесша-

башную Наташу Михайлову, яркую и экстравагантную Светку Погорельскую, потрясшую впоследствии моё воображение своей семейной жизнью: много лет подряд она сочетала двух мужчин одновременно, те знали прекрасно друг друга и даже в какие-то моменты соединялись в одной квартире. Рассказывали, что, зайдя на минуточку к Свете и не застав её дома, можно было увидеть её мужчин за домашней работой: один чистит картошку, другой – Светкины ботинки. «А где Света?» – «Ушла с подругами в ресторан!»

В это же время меня посетила моя следующая любовь. Ею стал молоденький артист папиного театра Володя Крицкий. Он был полной противоположностью Безродному. Мягкий, добрый, безвольный, любитель выпивки и тусовок. Высокий и тощий, довольно пластичный, лёгкий и весёлый. Путь к моему сердцу он нашёл «через желудок». Я всегда отличалась, по словам моего брата, «взволнованным отношением к еде». Вся семья Крицкого во главе с бабушкой, обожавшей внука, а заодно и меня, жили в деревне под Витебском и имели своё хозяйство. Меня они принимали по-царски! Домашняя колбаса, свежие яйца, солёные огурчики своего производства, жареные грибы – вся эта деревенская снедь вызывала во мне сильнейший интерес. Поездки с Крицким в деревню превращались в праздники! Праздниками были и все театральные тусовки: отмечание премьер, ночные «выпивоны» после спектаклей в гримёрках, актёрские компашки у кого-нибудь дома. Крицкий периодически напивался,

я с ним ссорилась, иногда ревновала. Делилась в письмах к саратовским подружкам своими переживаниями, чаще всего предельно непоследовательными: «Крицкий – негодяй! Никогда больше...», через неделю: «Мы с Крицким пошли...» И так всё время. Свидетелями наших взаимоотношений были актёры театра и, в первую очередь, юная Света Окружная, ныне звезда белорусского театра, а тогда только недавно принятая в труппу и сыгравшая вместе с Крицким в «Московских каникулах» (моя первая проба пера в местной газете «Витебский рабочий»).

Финал романа был достаточно драматичным. Отношения с Крицким продолжались до начала второго курса института и носили почти платонический характер, что меня периодически удивляло, периодически раздражало, а периодически утверждало в мысли, что он меня настолько уважает и ценит, что не смеет позволить себе вольностей. В какой-то момент речь уже начала заходить о свадьбе и о будущей совместной жизни в Питере. В этот момент почти одновременно я получила открытку от Крицкого и вызов на телефонный разговор с родителями. Крицкий писал, что он заболел и находится в больнице, а родители в ужасе сообщили мне, что у Крицкого обнаружен сифилис. Не вдаваясь в подробности всех переживаний, подозрений, горячих слёз и страха заражения от регулярных поцелуев, скажу сразу, что источником заражения оказался второй секретарь обкома комсомола Петя Лещенко – человек женатый и имеющий ма-

ленького ребёнка. Жена была тоже заражена, ребёнку и мне вкатили несколько профилактических уколов. Каждый раз, после укола, выходя из кабинета в кожно-венерологическом диспансере, я наталкивалась на Крицкого, стоящего на коленях под дверью, а молоденькие медсёстры – его театральные поклонницы – хором убеждали меня его простить и рассказывали душераздирающие истории, как вырывали у него за обедом нож, которым он собирался покончить счёты с жизнью! (Актёр Актёрыч! Тупыми оловянными больничными ножами нельзя было разрезать даже яичницу!) Тем не менее, после выхода Крицкого из больницы, мы встретились с ним, соблюдая немыслимую конспирацию, в лесу и, проговорив пару часов, в течение которых он убеждал меня не верить в версию его заражения, а верить в искренность его чувства ко мне, мы обменялись трёхкопеечными монетами (были такие огромные кругляши цвета бронзы) с тем, чтобы предъявить их друг другу «через много-много лет разлуки». А потом события начали развиваться весьма быстро. Крицкого и Лещенко судили по статье, имевшейся в те годы. Процесс был показательным – речь шла о «работниках идеологического фронта». Лещенко дали три года, Крицкому – два. Фактически каждый из них отсидел на год меньше. В течение года я получала частые письма из тюрьмы, в которых Володя писал, что он стал ответственным за художественную самодеятельность, выпускает стенную газету и что жизнь в тюрьме мало отличается от обычной: «Там работа и тут работа,

там соцсоревнования и здесь соцсоревнования», — писал он. Выйдя из тюрьмы через год и пройдя там непрерывный курс лечения, Крицкий уехал из Витебска и устроился работать в Армавирский театр. Он продолжал мне писать, и к лету я получила письмо: «Наш театр едет на гастроли в Сочи, Приезжай! Палатки, море, сухое вино и т.д.». Представив себе это «так далее», я содрогнулась, и на этом наша переписка прекратилась. Мы встретились ещё раз через несколько лет, когда я была на каникулах у родителей, а он в отпуске, приехав вместе с женой и сыном в свою родную деревню. Узнав, что я в городе, он в тот же вечер объявился в нашем дворе, предъявив мне монетку достоинством в три копейки. Выглядел он очень плохо: худющий, впалые щёки, потрёпанный, совершенно лысый. Мы поговорили несколько минут, и он попросил меня приехать к нему в деревню: повидать его родителей, бабушку, познакомиться с его женой и сыном. И я приехала. Жена — крупная невозмутимая женщина, которую бабушка иногда по ошибке называла моим именем, ушла куда-то к себе вместе с маленьким ребёнком, а мы под ликование всей остальной семьи взяли по большому ведру и отправились в лес за грибами. Разговора не получилось, но грибы мы набрали, и в город я вернулась с двумя вёдрами грибов, получив в подарок ещё и грибы Крицкого.

К этому времени я уже была замужем за выпускником Высшего мореходного училища имени Макарова Натаном Гореликом, с которым мы прожила более сорока пяти лет.

Наши отношения начались с его любезных приглашений на гастрольные спектакли Театра на Таганке, куда меня, студентку театрального института, пускали только по входным билетам, а Натану, моряку с острова Сахалин, находящемуся в полугодовом отпуске, продавали прекрасные места из специальной брони. Ежевечерне я находила в двери записки: «Сударыня! Не хотите ли вы составить мне компанию и посмотреть “Гамлета” с Высоцким... и “Деревянные кони”... и “Доброго человека из Сезуана”...» «Сударыня» хотела, и широкоплечий бородач в тёмно-синем костюме с золотистыми пуговицами, галантный и непохожий на остальных моих поклонников того времени, сидел со мной в партере и провожал меня домой. Дома в моей коммунальной квартире у меня было – шаром покати. Мы сидели на стульях друг против друга и ели прямо из ведра квашеную капусту, которую моя соседка по коммуналке Ксения Михайловна хранила на моём балконе. Достаточно быстро Натан (а по-домашнему, Толик) сделал мне предложение, на что я очень честно ответила, что не создана для семейной жизни, не хочу заниматься домашним хозяйством и не думаю, что когда-нибудь исправлюсь. На эти сентенции получила короткий ответ: «Ну, давай попробуем!» Вот мы и «пробуем» с того времени. Об этом отдельный рассказ. А пока я хочу вернуться к истокам моей жизни в Ленинграде, к непростому периоду привыкания к чужому для меня городу.

Питер 1971–1974

Начну с поступления в театральный институт.

Красивые здания на Моховой, красивые длинноногие абитуриентки, поступающие на актёрский факультет, важные и умные будущие театроведы, знающие всё о Станиславском, Мейерхольде и Таирове, – я была слегка напугана и растеряна. Особенно страшил коллоквиум, на котором, по свидетельствам бывалых людей, могли спросить даже имя коня Петра Первого.

Вошла в аудиторию. За столом, покрытым скатертью и украшенным банкой с цветами, – комиссия! Отвечаю на какие-то вопросы. Еле держусь на дрожащих ногах. В конце экзамена нужно подойти и подать членам комиссии какую-то бумажку для подписи. Подхожу, нагибаюсь, протягиваю и... нечаянно наступаю ногой на свисающую скатерть. Она начинает сползать. Лихорадочно пытаюсь поправить и опрокидываю банку с цветами. Льётся вода, скатерть на полу! Цветы тоже. Пытаюсь всё поднять и задеваю боком стол, который оказывается собранным из четырёх тумб и досками на них. Одна из тумб падает, доска опрокидывается – и растерянные члены комиссии оказываются сидящими перед полным «погромом», а я ползаю перед ними на коленях по полу, пытаюсь собрать мокрые разбросанные цветы... Последнее, что я слышу, выходя из аудитории: «Ну, девушка, вы

нам разгромили тут всё, что могли!» – «Как долго тебя обсуждали! Пришлось ждать, пока впустили следующего!» – рассказывала мне после одна из абитуриенток. На очное отделение я не прошла по конкурсу. Через какое-то время стала поступать на заочное. И тут не обошлось без приключений. Задумавшись над вопросом «Какие драматурги начинали в 20–30-е годы?» и лихорадочно подсчитывая возраст наших современников Володиной и Розова, я что-то промямлила в ответ и вышла из аудитории, понимая, что опять «провалилась». Бреду горестно по Литейному проспекту вместе с папой, приехавшим в Питер «поболеть» за меня, и он меня отчитывает: «Как ты могла не ответить? Ты же прекрасно всех знаешь!» Я резко разворачиваюсь, быстро иду назад и врываюсь в аудиторию, где заседает приёмная комиссия: «Извините, пожалуйста! Мне просто стыдно, и я должна сказать, что очень хорошо знаю Маяковского, Булгакова, Арбузова...» На меня внимательно и долго смотрит профессор Сергей Цимбал и произносит: «Хорошо, девушка! Идите! Если вы по дороге ещё что-нибудь вспомните, приходите!»

На сей раз меня приняли. В те времена существовало так называемое «вечернее отделение», что давало возможность студентам-заочникам, живущим в Питере, посещать занятия вместе с «дневным отделением». На дневном курсе учились Лена Алексеева, Марина Дмитриевская, Гоша Трабский, Юра Павлов и другие талантливые люди. На заочном – москвички Марина Зайонц (в те годы она работала секретарём директо-

ра в Театре на Таганке. Именно у неё в кабинете я впервые увидела Высоцкого) и дочь драматурга Вадима Коростылёва (моему отцу в своё время запретили постановку его пьесы «Бригантина») – чудесная Марина, с которой я дружу до сегодняшнего дня.

Но для того, чтобы учиться полноценно, нужно было переезжать в Ленинград. Сначала я снимала квартиру на улице Верности вместе с одной малознакомой девушкой. Из этого периода помню, как «умазала» себя дома вазелином за неимением других масел, представляя себя Клеопатрой, и рассказ водителя такси о бабушке, перепутавшей название моей улицы и попросившей отвезти её на улицу Терпимости. Ещё помню трёх братьев Хомичей, живущих в большой коммунальной квартире на Звенигородской. Надо сказать, что коммунальные квартиры – «коммуналки» – были для меня поначалу явлением экзотическим. Впервые я открыла их правила игры именно у Хомичей, когда, забежав на общую кухню, где в это время находилась одна их соседок, решила налить себе стакан воды из чайника. Оказалось, что, невзирая на то, что в кухне горел свет, я не имела права им пользоваться, а должна была зажечь свою лампочку, что и сделал влетевший за мной на кухню один из братьев Хомичей. Впоследствии я сталкивалась и с тем, что две соседки по коммуналке мыли пол в кухне по диагонали, каждая свой угол. А особенно пикантная ситуация поджидала меня уже через много лет, когда я, приехав из Швеции, находилась в

гостях у одного замечательного музыканта и педагога Юрия Борисовича Стоянова – человека застенчивого и чуть закомплексованного. Я отправилась в туалет, который находился в конце коридора, и с изумлением увидела, что хозяин квартиры, стыдливо потупив глаза, провожает меня, неся в руках сидение от унитаза.

Итак, вернусь назад в 1971 год. Родители предприняли серьёзный шаг на пути моей легализации, разменяв нашу шикарную витебскую квартиру на более скромную в том же Витебске и на одну комнату в двухкомнатной квартире в Ленинграде. Так я стала обладательницей жилья в 15 квадратных метров 90 сантиметров в коммунальной квартире на Московском проспекте у метро «Электросила». Почему я так хорошо помню эти цифры? Потому что, прожив много лет в этой комнате, сначала одна, потом с мужем, а потом и с ребёнком, я не могла встать на очередь для расширения жилплощади именно из-за этих «лишних» 90 сантиметров. Но поначалу это жильё представлялось мне роскошным! И по неопытности своей и родительской я не задумывалась, какого соседа предложила мне судьба. А сосед у меня был примечательнейший! Когда-то, по-моему, сразу после войны, двое мальчишек-братьев играли на какой-то свалке и нашли клад. Они сдали его государству и в благодарность получили двухкомнатную квартиру в сталинском доме на Московском проспекте, где и жили с тех пор всю жизнь, каждый

в своей комнате, каждый со своей семьёй, пока один из них путём сложного многоступенчатого обмена, в котором были замешаны и мы, переехал куда-то на Север, а я оказалась в этой квартире. Во второй комнате продолжал жить второй брат, окончательно спившийся бывший «передовик производства» (об истории с кладом и о «передовике» я узнала из старого журнала, торжественно продемонстрированного мне Борисом-соседом в начале нашего знакомства). Это был тихий алкоголик, промышлявший тем, что сдавал свою комнату парочкам для почасовых любовных утех за бутылку или мелкие деньги. Рядом был рынок с кавказскими «джигитами» – таким образом, клиентура не переводилась. Сначала я не очень это понимала, так как редко бывала дома. Но в какой-то момент, застав некую парочку в нашей общей ванной, начала «врубаться» в происходящее. И с этого момента объявила своему соседу «войну». Ситуация «на фронте» развивалась с переменным успехом. Заходя в квартиру, я сначала просовывала с лестничной площадки руку в наш общий коридор, дотягивалась до выключателя и зажигала свет, чтобы окинуть взглядом пространство. В моё отсутствие здесь явно происходили оргии, но к моему приходу весёлые компании забирались в комнату Бориса, и, если по вечерам шум из его комнаты достигал моих ушей, то я, не вставая с постели, нагибалась за домашними тапками и изо всей силы швыряла их в смежную стенку. Не знаю, как я не боялась никого и ничего, чувствуя в себе внутреннюю силу и соб-

ственную правоту. Надо сказать, что и дом наш, и огромный двор, объединяющий множество сталинских домов, был совершенно пролетарский со всеми вытекающими отсюда последствиями. Масса таких же алкоголиков, как мой сосед, криминального вида компании, тусующиеся днями и ночами в нашем дворе... Меня, по рассказам моего соседа, эти люди уважали и говорили Борису: «Вон твоя актриса идёт». Это не помешало им в один прекрасный день обокрасть меня, вытащив из шкафа в нашем коридоре, кроме всего прочего, единственное моё зимнее пальто и любимые сапоги-чулки. Потом один из них, позвонив в квартиру в моё отсутствие, шантажировал приехавшую ко мне в гости маму, требуя выкуп за мою безопасность. Я немедленно обратилась в милицию и, хотя с соседом у нас были вполне дипломатические отношения (он подъедал с голодухи мои безвкусные травяные диетические супчики – на диетах я сидела хронически, в попытках обрести несуществующую талию), я не воспротивилась его допросам в милицейском участке. Вещи мне вернули (подкинули на порог квартиры), правда, не все. В существовании моём в одном жилище с соседом-алкоголиком случалось много трагикомического. Тут и его падение плашмя из общего коридора в собственную комнату таким образом, что снаружи торчали только ноги в тапочках, и робкий стук в мою дверь после того, как Бориса бросила сожительница Зина – единственная, кто ещё как-то поддерживал его в более-менее нормальном состоянии, и обращённая к моей

спине фраза (я не удосужилась ему повернуться), сказанная заплетающимся языком: «Одни мы с тобой остались» и после паузы: «От-ще-пенцы...». И мой флирт с «добрым» следователем милиции с красивой фамилией Мерцалов, расследующим дело о моём ограблении, и мои наивные возмущённые упрёки в адрес «злого» следователя, который, по словам Бориса, ударил его на допросе. И приход моего брата в милицию с последующим его разговором с подозреваемым шантажистом – я подслушивала под дверью, а потом с ужасом рассказывала маме, что, оказывается, наш Эдик умеет материться! И наконец, последние слова Бориса, обращённые ко мне. Я стояла на пороге его комнаты и в очередной раз его за что-то отчитывала. Он лежал в кровати с книжкой, на обложке которой были изображены саблезубые тигры. Постучав пальцем по картинке, Борис произнёс: «Это ты!». Потом его два дня не было дома. Меня это не удивило – такое уже бывало и раньше. Но когда я в очередной раз забежала «на чаёк» к своему смазливому «доброму» следователю, в его кабинет вошёл «злой» и произнёс потрясшие меня слова: «Ну что, остались без своего соседа?» До сих пор не знаю точно причину его смерти. Говорили: упал, ударился головой о поребрик. Но я столько раз видела, как он падал, пролетая через целые лестничные пролёты и ударяясь головой о батарею... вставал, живучий как кошка. Не знаю...

Было жутко возвращаться в пустую квартиру, где в кухне лежали какие-то недоеденные им продукты, висела его одеж-

да. Но уже через несколько дней всё это распотрошили неизвестно откуда появившиеся родственники, которых я никогда не встречала у него раньше и которые, как стервятники, расхватали все его затасканные вещи вплоть до нижнего белья. Длительное время я жила в квартире одна. Потом стали появляться люди со «смотровыми».

Наконец, у меня появились новые соседи – прелестная пожилая пара, с которыми я подружилась на всю жизнь. Ксения Михайловна и Андрей Михайлович познакомились в плену в Германии, куда их угнали немцы во время войны. Парадоксальное совпадение: впоследствии их общая дочь Дина – студентка Технологического института – вышла замуж за своего однокурсника-немца и счастливо прожила с ним в Германии всю жизнь. Я была настолько дружна со своими соседями, что их дочь даже пригласила меня к себе в гости в Германию, где со мной произошло несколько анекдотических эпизодов. В какой-то момент, проявив самостоятельность, я отправилась из их дома в пригороде в центр Берлина с тем, чтобы посетить знаменитый «Берлинер ансамбль» и посмотреть их фирменный спектакль «Мамаша Кураж и её дети». Чтобы не возвращаться в пригород поздно ночью, я сняла комнату в центре Берлина. После спектакля шла одна по опустевшим улицам. Темно, пустынно, только каблуки мои цокают по плиткам мостовой. Добралась, зашла в тёмный подъезд, поднялась наощупь по винтовой лестнице (где ж мне было знать, что надо нажимать на кнопку на стене, чтобы свет за-

горелся?). На рукоятке нужной мне двери висел мешочек. Подумала с благодарностью: «Какая милая хозяйка квартиры! Повесила мешочек, чтобы я опознала своё жильё!» Сняла его с двери, тихо пробралась в свою комнату, улеглась и уснула. Утром в квартире переполох: хлеб, который регулярно приносят по утрам, не принесли. Да и мешочек исчез! Пришлось признаваться... А перед отъездом произошел ещё один казус. Я должна была выполнить поручение брата и купить ему пару ароматизированных брикетов для освежения воздуха в туалете. Зайдя в супермаркет и следуя указующему жесту продавца, я оказалась перед грудой брикетов. Цена была настолько незначительна, что я решила осчастливить брата и купить их побольше. Дома я начала паковать брикеты в чемодан и наткнулась на изумлённый взгляд хозяев дома. Оказалось, что это средство для отбеливания унитазов. При том количестве брикетов в моём чемодане я могла бы при желании отбелить большую часть общественных туалетов Иркутска. Пришлось идти и обменивать грудку дешёвых на два дорогих.

Ксения Михайловна... Это её капусте обязана я своим семейным счастьем, это она приняла моего будущего мужа, как родного, в то время, когда я бегала по своим личным делам, а он упорно и умело помогал моим соседям ремонтировать нашу квартиру. «Начнёте с Наташиной двери!» – приказала Ксения Михайловна и, лишь увидев, как ловок и сноровист мой нынешний ухажёр, допустила его до общего

коридора и общей кухни. Это она, Ксения Михайловна, помогала нам потом с ребёнком, оставалась с Женей, когда мы уносились вечером на спектакли или в гости. Когда гости приходили к нам (сейчас невозможно себе представить, что в 15 метрах 90 сантиметрах, где ещё и спала в своей кровати дочка, собирались большие компании, звучала музыка, мы танцевали, некоторым даже приходилось оставаться с ночёвкой), то Ксения Михайловна разрешала иногда использовать и их комнату. Летом мои соседи уезжали в деревню к родственникам и оставались там до глубокой осени, возвращаясь с огромными запасами клюквы и грибов в разных видах. Перепадало и нам.

Но я опять забежала вперед в своей истории. До того, как рядом со мной появился Натан, прошло три года жизни, полной как ноющей тоски, одиночества и обид, так и бурных приключений. Тоска и одиночество были связаны с институтом, где мне все казались умнее и талантливее меня (что, возможно, было правдой), я не чувствовала себя «своей» ни на курсе, ни в городе, который казался мне красивым и холодным. Вела дневники, где описывала своё состояние одиночества и неразделённой любви к Ленинграду. В моей жизни стали появляться мужчины, нелюбимые, случайные. Правда, в душе моей жил один, не вполне случайный. Это началось в Болгарии, куда испуганные деятели витебского обкома комсомола отправили меня по туристической путёвке «оправиться» от истории с Крицким. Там возник роман

с красивым местным жителем, роман, которому сочувствовала вся наша туристическая группа. Я провела пятнадцать сказочных дней в самых красивых местах Албены, окружённая заботой, любовью и вниманием этого человека! В момент прощания он спросил меня, согласилась бы я выйти за него замуж, «если бы он предложил». «Если бы... то может быть...» – ответила я раздумчиво, и мы договорились писать друг другу каждый день. «Ты ещё не успеешь доехать, как тебе будет ждать моё письмо», – глупенькая дурочка, я верила тогда каждому сказанному слову. Письма не было месяц за месяцем. Жизнь шла. Я обретала почву под ногами. Появились друзья и подруги. Начался следующий этап жизни. Но увлечение Болгарией и Гочей Стояновым Петковым не проходило. По законам советского «концлагеря» я имела право выехать повторно в соцстрану не раньше, чем через два года. И вот необходимое время истекло. После идиотского «собеседования» с некоей комиссией, ответив правильно на вопросы о количестве собранного урожая в стране и об именах членов болгарского правительства, я была допущена к туристической поездке (помню, как при мне навзрыд рыдала от бессильного унижения наш педагог Галина Иосифовна Агамирзян – жена руководителя театра Комиссаржевской Рубена Агамирзяна, не прошедшая подобного испытания). И я еду опять в Болгарию, желая встретить и понять...

Моя группа состояла, в основном, из работниц фабрики Володарского. В группе был старший и кто-то состоял в сту-

качах. Невзирая на неусыпный контроль, я уехала в соседний городок с шофёром, развозившим бельё по отелям, и явилась с обрывком фотографии Гочи на его работу (он был начальником транспортной конторы, обслуживающей Албену). И там я узнала следующее: герой моего романа был женат, имел детей. Жена узнала про женщину из России (сотрудники утверждали, что речь идёт обо мне), обратилась в партком и прочие общественные организации (а в Болгарии всё это функционировало не менее сурово, чем в России), всё закончилось увольнением с работы и разводом. И сейчас Гоча, получив «волчий билет», работает на свиноферме в соседнем городке Селистра. Каждый день он возвращается домой вместе с остальными рабочими на служебном автобусе. День уже подходил к концу. Я должна была возвращаться с моим водителем назад в Албену (грозили неприятности). «Нет! Я остаюсь!» – сказала я. Меня подвезли к месту посадки рабочих, и я стала ждать. В шесть часов приехал автобус, рабочие вышли – Гочи среди них не было. Я кинулась к водителю автобуса! Пристально посмотрев на меня, тот сказал, что Гоча остался на свиноферме, и что он отвезёт меня к нему сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.